

АЛЕКСАНДР ЗИМОВЕЦ

ДОБРОВОЛЬСКИЙ.
СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

Александр Зимовец Добровольский П. Семейные ценности

<https://litres.ru/74207374>

Аннотация

Прошел год с тех пор, как я выиграл в суде дело, которое невозможно было выиграть. И это, черт возьми, был очень тяжелый год! На меня мгновенно свалилась куча дел, одно другого важнее, да еще и необходимость следить за новыми сотрудниками.

Весь этот год я пахал, как паровая молотилка, и теперь собрался в отпуск. О, это сладкое слово «отпуск». Валяться на пляже, выключив телефон, и слушать шум прибоя... но нет! Возникло дело, которое требует моего личного участия.

Умер медийный магнат, и мне нужно помочь его внебрачной дочери получить причитающуюся ей долю наследства. Вот только местные олигархи даже умереть не могут по-человечески. Покойный устроил из своего наследственного дела настоящее шоу, а солировать в нем придется, как вы думаете, кому? Да мне, разумеется.

Содержание

Пролог опять на небесах	4
Глава первая. Куча дел	9
Глава вторая. Дела семейные	21
Глава третья. Шоу начинается	32
Глава четвертая. После бала (1/3)	49
Глава пятая. Рюмочку за папу	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Пролог опять на небесах

Кабинет был тот же самый: строгий, функциональный, с массивными книжными полками и тонким ноутбуком на прозрачном столе. Разве что на этот раз за окном был вечер. Алое закатное солнце освещало хрустальные иглы небоскребов, торчащие из облачного покрывала, так что они как будто пылали и плавились.

– Здравствуй, – сказал я, по-свойски усевшись на подлокотник белого гостевого кресла. – Ты прекрасно выглядишь, совсем не изменилась.

– Благодарю, – ответила девушка, сидевшая за столом и поправила прядь волос, выбившуюся из-под шелковой повязки, прикрывавшей глаза. – Я не особенно изменилась за последние две тысячи лет и не планирую в дальнейшем, но спасибо за комплимент.

– Если честно, я планировал поспать, – сказал я. – Не знаю, доступна ли богам эта радость, но думаю, что ты понимаешь, о чем я. Когда просто кладешь голову на подушку и спишь, безо всяких разговоров в процессе.

– Не надо делать вид, будто я докучаю тебе своими визитами, – она поморщилась. – Это не так: мы с тобой виделись за год только два раза: восьмого декабря и восемнадцатого марта. У меня записано. У меня слишком плотный гра-

фик, чтобы инспектировать моих подопечных чаще. И вообще, прекрати мне дерзить. Я этого не люблю.

– Ну, да, – раздался возле моих ног обиженный голос Теофраста. – Действительно, нашел отчего ворчать. Вот со мной, например, вообще никто даже не поздоровался. «Здравствуйте, господин Теофраст. Не желаете ли присесть? Может быть, чаю?».

– Ты не пьешь чай, – Фемида усмехнулась. – Но, кстати, хотела сказать, что тобой я довольна. Если что, мое предложение стать моим вестником остается в силе. Уж очень ты здорово проявил себя тогда, при столкновении с моим бывшим избранным.

– Ой, только не надо думать, что я это сделал для того, чтобы впечатлить вас, – кисло проговорил Теофраст. – Просто я же видел, что этот оболтус без меня погибнет, ну я к нему как-то успел уже... привязаться.

С этими словами он подергал алую нить, что шла от моего кольца к его голове.

– Так или иначе, у меня для тебя подарок, – с этими словами Фемида порылась в папках на своем столе и извлекла тонкими пальцами с изящным маникюром из одной из них листок бумаги, бросив его через стол в сторону Теофраста. Тот схватил лист своими крошечными ручонками и пробежал глазами.

– Амнистия тебе вышла, – прокомментировала Фемида. – Поглощение Вечным Мраком тебе больше не грозит. Так,

разве что пара сотен лет в Зловонных Безднах, и можешь быть свободен.

– Большое спасибо, – ответил Теофраст. – Но я, пожалуй, и дальше побуду вместе с этим парнем. А то он же без меня пропадет. Все на мне, все на мне. Вот, в отпуск он собрался. А у меня разве бывает отпуск?

– Ты едешь вместе со мной, – сказал я.

– Ну, да, еду... и там мне придется охранять тебя, так же, как я это делаю в Свято-Дмитрове! Ни днем, ни ночью мне нет покоя! Ежечасно я должен следить за безопасностью этого разгильдяя, и никто никогда не скажет мне даже просто доброго слова! А ведь мне так мало надо: немного любви и тепла!

– Демоны раздора не питаются любовью и теплом, – сказала Фемида с усмешкой. – Они питаются агрессией, ненавистью, завистью и злобой. Ничего не забыла?

– Ах, опять эти ужасные стереотипы! – Теофраст воздел ручонки кверху и повесил хобот. – Когда же уже люди перестанут видеть в нас одно лишь дурное!

– Ну, хватит этого нытья, – Фемида подняла ладонь. – Тем более, что у тебя теперь и часть твоих прежних способностей разблокирована. Еще освоишься с ними. Между прочим, это я походатайствовала.

– Ого, а вот за это спасибо, – Теофраст потер ручонки. – Эх, давненько я не брал в руки... ничего... ну, да сейчас мы развернемся... сейчас ты увидишь, что такое на самом

деле Теофраст Иригудамоколотомимир Ракшаспопель Ультомомитик во всей его бывшей силе и славе!

– Только часть способностей, – напомнила Фемида с улыбкой.

– Ну, ничего, ничего, хоть часть...

– Я хотел спросить кое-что, – сказал я. – Мне нужно знать, сколько еще таких же избранных находится в том мире прямо сейчас. Если бы мы действовали сообща...

– Если бы вы действовали сообща, вас было бы проще прихлопнуть всех разом, – отрезала Фемида. – Особенно если хотя бы один перебежать в другой окоп. А это, как ты видишь, случается. В общем, не нужно искать помощи. У тебя и так неплохо получается.

– Спасибо, конечно, что ты так в меня веришь. Но что если кому-то из них нужна помощь?

– Я не делаю своим паладином кого попало, – ответила она строго и сделала такую раздраженную гримасу, что, казалось, еще миг, и она закатит глаза и проговорит: «Ой, всё!».

– Тогда, быть может, будут какие-то пожелания?

– Еще раз скажу: ты всё делаешь правильно. Пока. Более того, ты так себя поставил, что поневоле теперь будешь и дальше действовать во благо мне. Теперь от тебя все этого ждут: враги и друзья.

– Будет действовать, если только шею не сломает, – пробурчал Теофраст.

– А ты на что? Ты же у нас великий демон раздора, созда-

ние бездны? Ну, так и послужи хорошенько своему господину.

– Ну, вот, о чем я говорил? – вздохнул Теофраст и издал хоботом трубный звук. – Всё на мне!

– А меч? – спросил я. – Может быть, и о нем я чего-то не знаю?

– Может быть, и не знаешь, – Фемида лукаво сощурилась. – Но если ты чего-то пока не знаешь, значит, так надо.

У меня даже горло перехватило от возмущения – до того мне надоели все эти загадки. Но едва я хотел ей что-то на это возразить, как где-то за пределами моего поля зрения заиграла бодрая мелодия. Очень знакомая. И ничего приятного не предвещающая.

А мгновение спустя я уже сидел на кровати, сжимая в ладони разрывающийся телефон.

Глава первая. Куча дел

– Привет! – раздался в трубке виноватый голос моего старшего партнера и ответственного за кадры. – Я тут сейчас уже в офис еду. Там Аня напортила с договором, но это нестрашно, я сейчас переделаю и отправим клиенту.

Надо сказать, что офис нам теперь, конечно, пришлось снять побольше: в центре города, в большом стеклянном бизнес-центре с блэкджеком и ресепшенисткой. Я же, на правах руководителя установил, что приезжаю я туда только по мере надобности, а в остальное время доступен удаленно из моего старого-доброго офиса, расположенного прямо под моей квартирой.

Но то, что я доступен удаленно, не означало, конечно, что звонить мне можно в любое время дня и ночи! Хотя на Кирилла это не распространялось. Он мог меня и среди ночи поднять, но никогда не злоупотреблял этим. Сейчас вот позвонил, потому что про судьбу этого договора я же сам просил его меня извещать.

– Кирилл, ну, сколько раз я тебе говорил, подбирай сотрудников не только по размеру груди! Нам же потом работать!

– Да как ты... – даже по телефону я почувствовал, как Кирилл краснеет. – С чего ты взял, что я так подбираю...

– С того, – ответил я. – А то я не вижу, что у нас полофи-

са уже таких. Прямо хоть новый сезон «Спасателей Малибу» снимай с ними в ролях!

– Новый сезон чего?

– Да ладно, неважно. Хорошо хоть вторая половина умеет работать. Ты скажи лучше, что у нас сегодня? Мое присутствие где-нибудь в суде необходимо?

– В суде... нет. Сегодня только одно заседание, но там ничего страшного не предвидится. Судья уже знает, что с Добровольским шутки плохи, и вряд ли будет жестить. Вероника сама сходит, без тебя. Вот только...

– Что еще?

– Было бы неплохо, чтобы ты сегодня заехал в офис. Народ подтягивается, когда тебя видит. Да и Юля, кажется, хотела с тобой о чем-то поговорить.

Юля? Поговорить? Это интересно, и вдвойне интересно, что передать это она решила через Кирилла. В последнее время наши отношения с моим директором по информационным технологиям (а проще говоря – штатным хакером) можно было описать фразой «дружба с привилегиями». И ее до недавнего времени как будто все устраивало.

Но в последнее время что-то разладилось, а на меня как назло навалилось столько работы, что на выяснение отношений совершенно не было ни времени, ни сил. Ну, вот она и сама, стало быть, решила поговорить. Что ж, время расставить точки над «i» и над прочими буквами алфавита.

С тех пор, как я выиграл дело против Темникова прошел

уже почти год. На дворе снова стояло лето, и это лето стало едва ли не самым жарким в моей жизни. Нет, вовсе не из-за обилия красоток в новом офисе, а из-за того, какое количество работы на меня свалилось.

Компания «Добровольский, Грушин и партнеры» быстро стала легендарной. Слишком быстро, чтобы мы могли приспособиться к этому. Еще не успели мы отпраздновать свой успех, как со всех сторон на нас посыпались заказы, один другого заманчивее.

От некоторых приходилось отказываться. Люди, прознавшие, что юрист Добровольский творит чудеса, планировали использовать эту его способность... скажем так, в не вполне законных целях. Да чего уж там – просто планировали выиграть с моей помощью откровенно липовые дела и прикарманить чужие деньги.

Таким я всегда очень вежливо отказывал. Под разными предложениями. Я никогда не говорил прямо, что не лезу в криминал и чту букву закона. Эти люди, пожалуй, меня бы просто не поняли: решили бы, что я набиваю себе цену или недостаточно им доверяю.

В итоге про меня пошли слухи, что я странноватый, чуть ли не сумасшедший гений, который может помочь в совершенно безвыходной ситуации, а может послать нахрен без объяснения причин. И мне эта репутация нравилась.

Я даже обстановку в своем кабинете завел соответствующую. Повесил на стены несколько плакатов с местными рок-

звездами, электрогитару и плакат о вреде случайных половых связей. На стол поставил бюст древнегреческого мыслителя, а рядом с ним кинул джойстик от игровой консоли. В книжный шкаф рядом с томами собрания законодательства и комментариев к нему напихал комиксов и учебников по квантовой механике.

В общем, те, кто приходил ко мне на аудиенцию, видели именно то, что ожидали – кабинет эксцентричного, немного инфантильного вундеркинда. Все-таки, Яро было восемнадцать, и мне нужно было соответствовать.

Впрочем, непосредственно к себе я теперь приглашал не каждого клиента. С рядовыми разбиралась моя команда, которая разрослась уже до тридцати человек.

Насчет красоток с большой грудью – это я, конечно, просто подкалывал Кирилла. На самом-то деле он отбирал людей тщательно, и главным критерием была честность и горящие глаза. Так уж само собой вышло, что чаще всего этот критерий встречался у девушек, и нередко они при этом были еще и собой ничего.

Но романов на рабочем месте я себе не позволял, хотя прекрасно видел, что некоторые из сотрудниц явно не против, а пара-тройка вообще обеими руками «за». И дело не только в Юле, с которой случилось бы одним щелчком пальцев уничтожить всю инфраструктуру компании. В конце концов, мы с ней были друг другу никто, и на мои намеки на то, что можно было бы перейти на другой уровень отношений, она

неизменно отвечала со своим фирменным смешком, что для наследницы рода Волконских я недостаточно благороден.

Нет, главная причина была в том, что я еще по своей первой жизни в родном мире (а там бывало всякое) знал: стоит только начать, как нормальная работа в компании встанет, и начнется одна сплошная «Санта-Барбара» на много сезонов. А я в этот мир явился для того, чтобы работать, а не вот это вот всё. И я работал. Упорно и с огоньком.

Теперь же я вознамерился взять первый в своей здешней жизни отпуск. Новый мир вообще манил меня к тому, чтобы хорошенько попутешествовать, я же – так уж вышло – за год так и не выехал за пределы Свято-Дмитрова.

Здешняя физическая карта почти полностью повторяла ту, к которой я привык в родном мире. Чего не скажешь о карте политической: границы проходили в непривычных местах, и на карте можно было найти множество неизвестных стран, а известных – наоборот, не найти. Так, на месте привычной мне Франции здесь имелись независимые Бургундия, Аквитания и Прованс, а Индия все еще принадлежала Британской империи и немножко Португальской.

Я уже присмотрел себе курорт в государстве со смешным названием Тямпа, которое находилось на месте привычного мне Вьетнама и считалось местной курортной Меккой. Если верить рекламе, меня здесь ждали роскошные отели, чистые пляжи, древние храмы и экзотические блюда – в общем, все, что я любил еще в прошлой жизни. Все было, в принципе,

готово, вот только купить билет я все никак не мог: то важный суд, то встреча с чиновником из Росмагнадзора, то конференция. Собирался сегодня плюнуть и взять на удобную дату, но вот теперь, значит, Юля... не поехать ли нам вместе?

Примерно такие мысли роились у меня в голове, пока я вел машину по запруженной уже в этот час улице Свято-Дмитрова. Город этот мне, пожалуй, не нравился. Было в нем что-то мрачное и совершенно нерусское. Это ощущение гнездилось в массивных зданиях со шпилями, заполонивших центр, перестроенный во времена позапрошлого императора Василия VI и превратившийся во что-то готическое и недоброе.

Иногда мне хотелось протянуть между этими шпилями растяжку с котятами или хотя бы разукрасить их в яркие кислотные цвета. Что ж, возможно я как раз для того в этот мир и явился.

– Ярослав, как хорошо, что вы пришли!

Обожаю, когда меня встречают этим вопросом. По имени-отчеству меня в офисе обычно не называл никто. Некоторые сперва пытались, но я быстро отучил. Так что «Ярослав» - это был наиболее уважительный вариант. Можно было и «Яро», но это больше для друзей.

– Что такое? – я приветливо улыбнулся младшему юристу Роме и выглядывавшей из-за его плеча помощнице Стеше. Они были похожи на брата и сестру: темноволосые, бледные

и слегка неуверенные в себе.

Этих двоих я принял в компанию лично, хотя Кирилл сомневался. Закончили они Катериногорский университет, то есть приехали в Свято-Дмитров из глубокой провинции. Насчет качества тамошнего обучения Кирилл имел предубеждение. Хотя сам он, если вдуматься, закончил Училище, в котором почти ничему не учили.

– Мы тут не знаем уже, как жалобу в Росмагнадзор правильно оформить, – проговорила Стеша смущенно. – На сайте выложен образец бланка. Я его распечатала, подала – не принимают. Говорят, правильная форма утверждена приказом номер четыреста семь. Я распечатала форму из приказа, подала по ней – не принимают. Говорят – в свободной форме надо. А это, дескать, несвободная форма. Я просто напечатала без всякого бланка, так они теперь говорят.

Я вздохнул. Это был обычный подход, если жалобу никто принимать не хочет.

– Ребят, просто скажите им, когда будете подавать жалобу в следующий раз – на любом бланке – что в следующий раз я приеду подавать ее лично. Обычно это действует безотказно.

Рома кивнул, а Стеша несмело улыбнулась. Я в ответ помахал им рукой и направился по коридору дальше.

Действительно, во многих учреждениях Свято-Дмитрова уже знали, что бывает, если Ярослав Добровольский является подавать документы лично, а ему отказывают. Даже те, кто не слышал про суд над Темниковым, знали про мои после-

дующие похождения, в результате которых несколько чиновников из разных ведомств разъехались кто в тюрьму, кто – в сумасшедший дом. Трое сбежали за границу, четверо развелись в женами или поссорились с любовницами (с одним бедолагой то и другое случилось разом), а одного даже едва достали из петли. В общем, в городе уже были в курсе, что не брать у меня документы без законных оснований – плохая идея. А законных оснований я им для этого не оставлял: юрист я или кто?

Следующим навстречу мне попался Кирилл. Надо сказать, за прошедший год он изменился почти до неузнаваемости. Из неуверенного в себе очкарика, которого однокурсники по училищу не считали за человека, он превратился в настоящего руководителя, и, по правде сказать, именно на нем в компании всё держалось.

– Привет! – он на бегу протянул мне руку. – Прости, поболтать некогда, сейчас в переговорку клиент явится. По делу Трубецких. Сейчас еще один договор будем подписывать. На три тысячи!

– Благословляю! – ответил я, и Кирилл пробежал мимо. В таком режиме он и работал в последнее время, и по-честному, ему, наверное, отпуск был еще нужнее, чем мне. Надо будет его тоже отправить, когда я вернусь. Только придется сделать это принудительно, а то в нем проснулся трудоголик и никак не уснет.

– Ярослав... Петрович... вы не могли бы? – раздался у ме-

ня за спиной мелодичный женский голос. Стажерка Вероника, как раз девушка таких достоинств, в пристрастии к которым я обвинял Кирилла, еще не выучила здешние правила, так как работала всего вторую неделю. Когда я повернулся к ней, она поправила очки и растерянно улыбнулась, сложив ладони в замок. Белая блузка, черные брюки, ненавязчивый макияж. Настоящая примерная отличница.

Между прочим, выпускница единственного бюджетного места Училища правоведения. Можно сказать, Кирилл в юбке, сливки со сливок здешней юриспруденции. А смотрит на меня так, словно я только что превратил воду в кулере в вино, а сейчас иду исцелять прокаженных. Всякий раз, когда я замечал такие взгляды подчиненных, то старался отвешивать себе ментальный подзатыльник. Помни, дубина, что все это восхищение относится не только к тебе самому, а главным образом – к мечу в твоих руках. И к тому, что тебе еще предстоит совершить с его помощью. Забудешь об этом – превратишься в Василия Темникова, а то еще и во что похуже.

– Просто Ярослав, – ответил я, легонько погрозив пальцем. – Внимательно слушаю.

– Мы тут просто с Даниилом немного поспорили, как одно место в договоре лучше прописать, – начала она. – Я хотела спросить у Веры, старшего юриста, но у нее сейчас нет времени. Кирилл... Сергеевич... вот тоже сейчас занят... я хотела показать кому-нибудь свой вариант, потому что я на-

шла практику, согласно которой этот вариант лучше защищает права нашего клиента, но Даниил говорит, что в случае суда...

– Так, ладно, давайте я просто посмотрю...

Мы зашли в кабинет, который она занимала вместе с несколькими другими младшими юристами, никого из которых, впрочем, сейчас на месте еще не было – я явился чуть раньше начала рабочего дня. Я подошел к компьютеру Вероники, возле которого стояла смешная фигурка единорога с радужной гривой, и стал читать договор с монитора. Честно сказать, в тонкостях местного законодательства, а тем более – судебной практики, я разбирался все еще хуже Кирилла, а может быть даже и хуже самой Вероники. Так что сказать навскидку, действительно ли ее вариант лучше, я не мог, хотя интуитивно чувствовал, что придумала она круто. Но от размышлений о том, как бы получше сформулировать свой ответ, меня отвлек Теофраст, нервно подергавший за алую нить.

– Да ты посмотри, как она на тебя уставилась! – проговорил демон, потирая ручонки. – Смотри, она же сейчас из штанов выпрыгнет! Я бы на твоём месте времени даром не терял!

Надо сказать, бес был совершенно прав, потому что оглянувшись на Веронику, чтобы что-то ей уже наконец сказать, я обнаружил, что она нервно теребит пальцами самоклеящуюся бумажку и прикусывает нижнюю губу.

– Ты и на своем месте неплохо справляешься, – ответил я Теофрасту. – Спрячь уже свой хобот подальше, чтобы он так не торчал!

Теофраст сперва в самом деле схватился за хобот, пытаясь определить, что же с ним не так, и только потом понял смысл шутки.

– Да будет тебе известно, – произнес он обиженным тоном, – что я не получаю удовольствия от наблюдения за людскими соитиями. Ну, по крайней мере, такого, на которое ты намекаешь. Я эфирное создание, демон хаоса, и поэтому...

– И поэтому удовольствие ты получаешь от созерцания скандалов. Спасибо, я в курсе. Я же настроен их в своей компании не устраивать – вот чего еще не хватало.

– Ты ужасно скучный человек, – вздохнул Теофраст. – Хуже было только когда я пытался совращать одного монаха в средневековом мире. Каждый раз, стоило мне показать ему какой-нибудь волнующий образ, как он принимался обливать себя холодной водой. Чуть не умер от воспаления легких в итоге. А мне что за радость? Я-то хотел его с настоящим поссорить. У настоятеля, видишь ли, была любовница, он побойчее был. Так я хотел, чтобы мой монах ее тоже возжелал, и тогда бы...

Я не сразу сообразил, что перепалка с бесом заставила меня на несколько секунд застыть, и со стороны это выглядело так, как будто застыл я, пялясь в ее декольте. Она, впрочем, кажется, не возражала.

Я уже хотел как-то остроумно вывернуться из неловкой ситуации, как вдруг дверь кабинета отворилась, и на пороге появилась Юля. Судя по выражению ее лица, она мгновенно оценила мизансцену.

– А я тебя... в смысле, вас тут ищу, Ярослав Петрович, – проговорила она, сочетая вежливость и сарказм.

– Да, что такое? – проговорил я, делая вид, что мы с Викторией просто обсуждали рабочий вопрос. Тем более, что, черт возьми, так оно и есть!

– Дело, – ответила она. – Дело на миллион рублей.

– Ого, – сказал я. – Ты проворачиваешь дела гораздо дороже тех, которыми занят Кирилл.

– Я все еще графиня, – ответила Юля, прищурившись. – Мне заниматься мелкими делами по роду не положено.

Глава вторая. Дела семейные

– Слушай, если ты вдруг подумала... – начал я, когда мы шли по офисному коридору.

– Перестань, – она сделала небрежно-аристократичный жест рукой. – Перестань вести себя, как неверный муж. А то я в самом деле что-нибудь вдруг подумаю.

– Ну, ладно. Так что за дело на миллион?

– Дело вот какое. Мне сегодня позвонила моя подруга... знаешь, у меня вообще-то не очень много подруг осталось после... всего. Хотя сейчас их стало несколько больше, некоторые вот вспомнили о моем существовании, когда мне часть имущества вернули. Но Настя – она как раз была со мной всегда, все это время.

– Очень благородно, – я кивнул.

– Нет, дело не в благородстве. Точнее, не только в нем. Она сама такая же... в каком-то смысле. Когда ты ее увидишь, ты сам поймешь. Она меня очень поддерживала, когда мне казалось, что жизнь кончена. И я ей очень благодарна. Так что можешь считать, что это моя личная просьба – помоги ей.

– Конечно, – я кивнул. – А в чем помочь-то?

– Да это мелочь, в общем-то. Нужно, чтобы с наследством ее не обманули. Отец у нее умер. Впрочем, давай она сама

тебе всё расскажет.

Настя оказалась бледной девушкой невысокого роста со стрижкой каре и тонким, почти детским голосом. В ней с первого взгляда виделось что-то хрупкое. Трудно было даже представить, что у нее могут быть какие-то проблемы по юридической части, так как нарушить ее права было столь же немыслимо, как отнять конфету у ребенка. Впрочем, я жил в юридическом мире уже не первую жизнь, и оттого хорошо знал, с какой легкостью иной раз у детей отбирают не то что конфетку, а все средства к существованию.

Я поприветствовал ее, и мы уселись за стол в переговорке, чрезмерно широкий и длинный для такой небольшой компании. Она сидела, сложив руки перед собой, словно школьница на уроке.

– Так в чем, собственно, дело? – спросил я, повертев в руках ручку.

– Наследство, – проговорила она. – Вы же слышали, должно быть? Про Константина Сурова.

Я кивнул. Действительно, было бы странно, если бы я не слышал. Константин Суров, помимо всего прочего был одним из главных конкурентов моего батюшки, Петра Добровольского. Это был успешный медиамагнат, владелец двух телеканалов, пяти газет, социальной сети и огромного концертного зала на окраине Свято-Дмитрова.

О том, что на днях он умер, я тоже слышал, это была новость дня. Причем, умер он как-то странно. Я давно привык

к тому, что у здешних аристократов все не как у людей – и умереть они тоже по-человечески не могут. По всему выходило, что знатного аристократа развоплотило во время какого-то магического эксперимента, да так мощно, что мало что осталось, чтобы похоронить.

– А вы его дочь, да? – спросил я.

Она в ответ неуверенно кивнула.

– Да, но... внебрачная... сами понимаете...

Я, конечно, понимал. В этом мире вопрос законности и незаконности детей стоял очень остро. Главное наследство – это демоны. А они признают только того, кто был рядом с их хозяином постоянно. Им плевать на тесты ДНК, им подавай такого хозяина, к которому прежний был привязан, или хотя бы того, кому он их завещал.

– Тогда у меня первый вопрос, – сказал я. – Вас интересует наследование имущества или дара? Сами понимаете, что там несколько разный порядок...

– Я... я не знаю, – проговорила она. – Наверное, я бы и без его дара могла прожить. Да, наверное, это не главное.

– Ярослав Петрович, – вступила Юля. – Вы же понимаете, что нельзя унаследовать только имущество. Без дара его не удастся сохранить.

Это было дельное замечание. В этом мире практически не было очень богатых людей, совершенно лишенных демонов. И не потому, что никто без них не мог нажить богатство, а потому что богатство быстро привлекло бы владельцев де-

монов – и пиши пропало.

История Алины и ее отца была в этом смысле очень показательной.

– Хорошо, – сказал я. – Этот вопрос мы еще отдельно обсудим. Но чего именно вы сейчас хотите от нашей фирмы?

– Я бы хотела, чтобы вы хотя бы сходили в качестве моего представителя на оглашение завещания. Оно состоится в следующий вторник. Я не знаю, что именно предусмотрел там отец, но я говорила с его душеприказчиком... и судя по тому, на что он намекал, завещание огромное и сложное. Мне нужен человек, который бы во всем разобрался. Я боюсь, что меня они просто обманут, наговорят мне чего-нибудь... а я даже ничего не смогу ответить. А вам... я много о вас слышала, вас они не смогут обмануть. Побоятся.

– Спасибо за такой лестный отзыв, – ответил я. – Но видите ли, в следующий вторник я не смогу, у меня есть некоторые планы, так что, думаю, ничего страшного, если на оглашение сходит наш сотрудник, Роман. Он очень хороший специалист и, конечно, во всем разберется, даст вам консультацию, а я вернусь из отпуска и...

– Но ведь вы же отложили отпуск, Ярослав Петрович, – проговорила Юля совершенно невинным тоном, и я понял: для нее помощь этой Насте – действительно дело чести. Чтобы совсем уж укрепить меня в этом убеждении, Юля пнула меня под столом ногой. Между прочим, довольно больно.

– Да, отпуск-то... действительно, – проговорил я с рассе-

янной улыбкой, как бы говорившей: я эксцентричный гений, с которым такое случается. Запросто могу забыть, когда у меня отпуск. – Правда, спасибо большое.

– Это очень хорошо, – Настя кивнула. – Мне бы очень хотелось, чтобы там побывали именно вы. Я уже столько всего начиталась в сети о том, какие сложные бывают завещания, особенно когда дело касается передачи дара. Вы слышали, граф Шереметев обязал своих наследников соревноваться, кто больше денег заработает за год после его смерти? Чтобы состояние досталось достойнейшему.

Я кивнул. Я за последний год изучил множество подобных случаев, потому что наследство было одним из главных поводов для обращения ко мне. Да, наследник одаренного аристократа должен был оказаться достоин демонов. Иначе демоны его не примут. Или – что еще хуже – аристократическое общество не примет его в свою среду, начнет ставить ему палки в колеса, и в итоге сожрет – даже не подавится.

Глядя на Настю я с горечью думал о том, что ее, скорее всего, нечто подобное и ждет. Она выглядела какой-то очень непрактичной. Не было у нее клыков хищника, которые просто необходимы для того, чтобы выживать в этом темном лесу.

Если я не возьмусь за это дело, ее наверняка и впрямь обманут. В лучшем случае она унаследует кусок имущества, но сохранить его не сможет.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда давайте вы мне для начала

расскажете об обстоятельствах дела.

— О обстоятельствах? — переспросила она, глядя на меня большими серыми глазами. — Да, в самом деле, о некоторых обстоятельствах вам нужно знать.

Настя пару секунд помолчала, как будто собираясь с мыслями.

— Я ненавижу его, — наконец сказала она. — И я всегда его смертельно ненавидела.

— В таком случае, вам лучше в самом деле не ходить на оглашение завещания, — прокомментировал я. — Выйдет не очень хорошо, если вы это заявите душеприказчику.

Юля снова пнула меня ногой под столом, и на этот раз пинок вышел сильнее.

— Вы... просто, видимо, не понимаете, что это был за человек, — выдавила из себя Настя. — Кажется, он хотел в своей жизни только одного: мучить, издеваться, властвовать. Однажды он заставил мою мать прийти на работу в одном белье. И она пришла. И должна была весь день делать вид, что все как обычно, а коллеги тоже должны были делать вид. И делали. Он так наказал ее за что-то. Кажется, она что-то не то ему сказала.

— Простите, а ваша мать приходилась ему..?

— Любовницей. Одной из многочисленных его любовниц. Она работала в его компании режиссером трансляций. Обожала свою работу, мечтала сделать карьеру. А он всегда любил таких — тех, у кого горят глаза. Но ему было нужно, что-

бы эти глаза смотрели только на нее.

Глаза Насти наполнились слезами, она на секунду замолчала, а затем продолжила:

– Она... у нее никого не было до него. И после него... а он все время изводил ее. Кажется, первое, что я помню из детства, это то, как я слушаю их разговор по телефону. Он отдает ей отрывистые команды, а она покорно соглашается. Иногда принимается робко возражать но тут же сдается. Это было что-то касавшееся моей учебы. Я была совсем маленькой, но он уже подробно расписывал, в какие кружки меня водить и чему учить. Он требовал, чтобы я непременно научилась обращаться с даром. Которого у меня никогда не был. У него был пунктик: все его дети должны быть настоящими одаренными. Он тиранил маму этим постоянно, а когда я стала постарше – его секретарша стала тиранить этим меня.

– Секретарша?

– Ну, разумеется. Он был слишком занятым человеком, чтобы лично заниматься всякой ерундой – например, воспитанием своих детей. Для этого в его компании был целый отдел. Эта Марина, которая мне звонила, была даже и не секретаршей, а каким-то специалистом отдела особых проблем развития. Я терпеть ее не могла. Но приходилось терпеть. Отец говорил, что ни рубля нам не даст, если я не буду усердно заниматься. Заниматься тем, что я ненавидела больше всего на свете. Потому что знала, что никакого дара у меня на самом деле не будет.

Настя налила себе воды из стоявшей на столе бутылки и судорожно глотнула.

– А она... могла позвонить мне даже в три часа ночи. И заставить меня повторять все жесты, все команды. Но это было еще не худшее – хуже было, когда она заставляла меня «формировать здоровое отношение к семейным ценностям» – так это у нее называлось. Так и говорила: «добрый вечер, Анастасия, сегодня мы будем формировать здоровое отношение к семейным ценностям». В переводе на русский язык это значило, что я должна пересказывать в подробностях всю биографию отца и каждым фактом из этой биографии восхищаться. Какой он талантливый! Успешный! Честный! Благородный! Какую прекрасную компанию он построил, скольким людям дал рабочие места и возможность самореализоваться! Причем, нельзя было просто заучить текст наизусть и оттарабанивать: каждый раз я должна была находить новые и новые поводы для восхищения. А позже я еще должна была принижать мать. Не то, чтобы прямо ругать – это были бы нездоровые ценности! – но намекать на то, что она отца недостойна, и он сделал ей большое одолжение, снизойдя до нее.

– Мда... – я покачал головой, не зная, что ответить.

– И так до пяти, до шести часов утра, – продолжила Настя.
– А в семь мне при этом все равно надо было вставать и идти в школу, как всем. Потому что индивидуальное обучение – для настоящих аристократов, а я...

Она помотала головой.

– Маме я много раз жаловалась, что не выдерживаю этого. А она всегда говорила, что я должна выдержать, обязана. Она все время говорила мне, что когда я вырасту, то благодаря его деньгам и связям смогу выйти в люди. Сделаю карьеру, обрету дар, стану баронессой... она сама в это не верила. Ее собственная карьера закончилась после того, как она связалась с ним. Он не дал ей ни повышения, ничего. Денег платил столько, чтобы мы не нищенствовали, но не более. Она хотела уйти на другой канал, ей предлагали хорошую должность, но он не отпустил. Сказал – сделает так, чтобы ее жизнь превратилась в ад. И было ясно, что это не пустые слова.

Она всхлипнула, и Юля положила ей ладонь на плечо.

– И вот теперь я хочу получить хоть что-то, – проговорила она и снова отвернулась, так что стало ясно, что она вот-вот снова расплачется. – Хоть что-то за все то, чего я натерпелась. Да, пусть мне не дадут дар, титул – но я хочу получить хоть немного. Мама много болеет в последнее время, но я верю, что ее еще можно спасти, если она сможет отдохнуть, съездить куда-то... А сама я хочу учить, закончить хороший университет, но на это нужны деньги. Поэтому я и пришла к вам: говорят, вы творите чудеса.

Я смущенно взглянул на ручку, которую постоянно вертел в руках на всем протяжении этого разговора.

– Чудес обещать не могу, – ответил я, постаравшись, что-

бы это прозвучало тепло, а не как издевка. — Чудеса случаются только по воле высших сил. Но фирма «Добровольский, Грушин и партнеры» берется за ваш кейс. Как дочери вам, разумеется, причитается доля в наследстве — мы, правда, пока не знаем, какая именно. Предстоит еще установить всех наследников. Но мы обещаем вам, что сделаем все возможное для защиты ваших прав. Впрочем, вы, я думаю понимаете, что мы работаем не бесплатно...

На этот раз тычок под столом был особенно болезненным. Впрочем, Настю мое замечание не смутило, а как будто даже настроило на деловой лад.

— Конечно-конечно, — проговорила она, тихонько шмыгнув носом. — Вы ведь работаете за гонорар успеха? Я дам вам пять процентов от полученной суммы. Мало пять — берите десять. Вы понимаете, для меня ведь не столько важна именно сама сумма, сколько...

— Пяти будет вполне достаточно, — остановил я ее и на этот раз удостоился от Юли немного удивленного взгляда. Настоящий прожженный юрист, конечно, не стал бы останавливать клиента, который сам повышает ставку его услуг. Но я успел проникнуться симпатией к этой немного нескладной и нервной девушке. А кроме того, сумма и так ожидалась солидная. За все время с момента выигрыша дела против Темникова мы лишь пару раз брали куш такого масштаба, обычно приходилось довольствоваться гораздо более скромными гонорами.

К тому же, я чувствовал – это одно из тех дел, ради которых Фемида меня себя отправила. Было здесь что-то такое, трудноуловимое. Какая-то электрическая дрожь в пальцах, которую я в последние несколько месяцев научился отчетливо различать.

Я мысленно попрощался с Тямпой и с ее золотыми песками. Впрочем, в тот момент я еще не знал, как надолго откладывается мой отпуск. В конце концов, дело не выглядело таким уж сложным. Нужно было всего лишь сходить на оглашение завещания и узнать, что именно придумал господин Суров для своих наследников. Дело не выглядело сложным. Что могло пойти не так?

Глава третья. Шоу начинается

В качестве места оглашения завещания был избран концертный зал «Surov Hall», расположенный на окраине города рядом с одноименным торговым центром, также принадлежавшим покойному. Я дважды сверил адрес прежде чем осознал, что ехать действительно предстоит именно туда.

Такой выбор покойным места меня несколько озадачил, но кто знает – быть может, он просто был очень привязан к этому залу, как главному своему детищу.

Между делом я мельком посмотрел в сети все, что смог найти про Константина Сурова. Мне хотелось понять, с кем придется иметь дело. То есть, конечно, дело-то придется иметь уже не с ним, но завещание составлял он, а раз так, нужно понимать, чего можно ожидать.

Некрологи в прессе – в особенности, в тех газетах, что принадлежали покойному – рисовали образ прекрасного человека, ответственного бизнесмена, во многом создавшего современные медиа. Выражение «ушла эпоха» мне встретилось раз двадцать, никак не меньше.

С фотографий на меня смотрел не старый еще мужчина. Полнота и аккуратно подстриженная борода делали его похожим на старинного купца. Все время казалось, что он вот-вот скажет густым басом: «Любезнейший, принеси-ка мне

графинчик водочки и груздей соленых».

Одет он тоже был как-то слегка по-старинному. Даже для этого мира, где молодежь в универе носила сюртуки, его наряд казался архаичным: жилетки, клетчатые брюки, часовые цепочки. Все это, однако, вовсе не делало его шутом гороховым: было видно, что покойного все очень уважали.

Почти в каждом некрологе авторы обязательно отмечали, что покойный был борцом за нравственность, много выступал на тему того, что современное общество идет к гибели. Требовал запретить социальные сети – все, кроме той, которой он владел. Громил разврат на телеканалах – хотя на его собственных разврата было примерно столько же. Порицал разводы и непостоянство, хотя сам был женат пятый раз.

Одним словом, сворачивая на подъездную дорожку к концертному залу, я уже примерно понимал, каков был покойный, и даже припоминал кое-кого похожего из своей прошлой жизни, с кем приходилось иметь дело. Мне казалось, что я готов к тому, что мне предстоит. Боже, как я ошибался...

У ворот концертного зала – огромного и помпезного, выстроенного модным европейским архитектором и похожего на множество сросшихся друг с другом черных кристаллов, стояло такое большое количество дорогих автомобилей, что мой – купленный недавно синий седан без претензий – выглядел среди них бедным родственником.

– Добрый день, – поприветствовал меня охранник в чер-

ной форме с бронезиловым. – Сегодня зал закрыт, специальное мероприятие по пропускам.

– Вот мой пропуск, – ответил я.

Технически это был пропуск Насти, но приложенная к нему доверенность сделала свое дело. Охранник не задавал больше вопросов и провел меня через служебный вход в просторное помещение с высоким потолком.

Должно быть, это было нечто вроде репетиционного зала. Из стены выдавалась небольшая сцена, перед ней стояло несколько невзрачных стульев, на которых разместилось около полутора десятков человек. Большинство из них были в траурных нарядах – очень дорогих.

Дамы были в черных платьях и с косынками на головах. Мужчины – в строгих костюмах. Я тоже надел темный пиджак, и на их фоне не особенно выделялся. Впрочем, некоторые из сидевших на стульях посмотрели на меня с недоверием и скрытой угрозой. Впрочем, они и друг на друга смотрели примерно так же. Компания подобралась теплая, дружная – это сразу было видно.

Душеприказчиков оказалось двое. Первого я сразу же узнал, хотя и редко смотрел местное телевидение. Это был известный комик и телеведущий, можно сказать, лицо всех телеканалов Сухова. Круглолицый, с ярко выраженными восточными чертами и пухлыми щеками, он напоминал развеселого, довольного жизнью хомяка. Казалось, что если потыкать в него пальцем, то из него посыплются монетки. Звали

его Чингиз.

Вторая душеприказчица представилась Мариной, и я сразу предположил, что это, видать, та самая, что терроризировала Настю. Глядя на нее, нетрудно было в это поверить, так как черная одежда, агрессивный макияж и коротко остриженные светлые волосы делали ее похожей на надзирательницу концлагеря.

Когда я вошел оба они стояли на сцене и переговаривались между собой, а также с одним из людей в зале, сидевших ближе всех.

– Я не опоздал? – спросил я Чингиза.

– Нет-нет, – ответил он. – Мы как раз начинаем. Вы ведь господин Добровольский? Значит, полный комплект, можно отправляться.

И он смачно хлопнул в ладоши, украсив лицо профессиональной улыбкой. На сцене появилась немолодая женщина в невзрачном коричневом жакете. Как я сразу понял – нотариус. Она стала проверять присутствующих, вызывая по одному, словно учительница в школе.

Я же сел с краешка и стал рассматривать. В первую очередь в глаза бросалась молодая девушка, по виду едва ли старше Насти, но выглядевшая, как выставка достижений пластической хирургии. Глядя на нее, я невольно ловил себя на мысли, что опасаюсь, как бы от нее что-нибудь не отвалилось.

Рядом с ней сидел упитанный мужчина лет пятидесяти с

сальной улыбкой на губах, то и дело принимавшийся потирать руки и зыркать глазами по сторонам. Чаще всего его взор останавливался на огромной стенобитной груди его соседки. Он разглядывал это чудо силиконовой промышленности и, казалось, только печальные причины собрания удерживали его от того, чтобы придирчиво ощупать его.

Еще среди сидевших было несколько совсем молодых парней и девушек в возрасте лет от двенадцати до двадцати – вероятно, дети покойного от разных жен и не только.

А вот с противоположного края сидел человек, которого я совершенно не ожидал тут встретить. Викентий Гончаров, мой товарищ по Училищу правоведения, сперва не обратил на мое появление внимания, но едва услышал фамилию Добровольский, тут же завертел головой, а увидев меня, впился яростным взглядом.

Я слышал, что его карьера в Ночной лиге не задалась. Демон, пронзенный моим мечом, хоть и не погиб, но пострадал сильно и до конца не оправился. Настоящего боевого колдуна из Викентия не получилось, а вот куколдуном он, по слухам, так и остался, чему отсутствие успехов на ринге весьма способствовало.

Одним словом, этот парень имел серьезные основания для того, чтобы считать меня своим врагом. Вот только что он здесь делает? Неужто тоже приходился покойному родственником?

Нотариус закончила свою перекличку поправила очки на

носу и взглянула на Чингиза, словно ожидая какой-то команды.

Тот снова улыбнулся, развел руки в сторону и произнес:

– Ну, а теперь прошу всех на сцену! Проходите, дамы и господа, проходите!

Собравшиеся зашумели и заозирались.

– А это еще зачем, простите? – спросил толстяк с сальной улыбкой. – Нам и здесь хорошо, мы уже... кхе-кхе... расположились тут с удобствами.

Он побарабанил пальцами по жилетному карману. Судя по звуку, там была фляжка, и наверняка не с компотом.

– Это требование завещания, – резко произнесла Марина. – Кто не выйдет на сцену, в отношении того завещание автоматически аннулируется. Изольда Петровна, подтвердите.

Нотариус важно кивнула.

– Так что быстро, – проговорила Марина надзирательским тоном. – Поднимаемся, встаем полукругом.

Дважды повторять никому не потребовалось. Все наследники быстро вскочили со своих мест и стали подниматься на сцену. Я тоже не стал отставать и пристроился с краю, рядом с молодым человеком, постоянно вертевшим в руках телефон последней модели и осматривавшимся по сторонам с растерянным видом.

– Ну, что ж! – произнес Чингиз, чуть наклонившись вперед и вновь хлопнув в ладоши. – Шоу начинается!

В следующее мгновение сцена начала быстро поворачи-

ваться, так что я чуть не повалился набок, да и другие люди рядом со мной. Полного господина даже так повело в сторону, что он сделал несколько шагов, оказался рядом со мной и непременно рухнул бы за сцену, если бы я его не удержал.

Но стоило сцене прокрутиться наполовину, как на нас обрушился гром аплодисментов, а в глаза ударил сет многочисленных софитов. Заиграла музыка. Мы обнаружили себя на основной сцене зал, и зал этот был почти что полон. Правда, сидели там все больше пожилые женщины, из чего я сразу заключил, что это, должно быть, платная массовка.

Ведь если бы на это шоу продавали билеты, то уж наверное, если не я, то остальные люди на сцене об этом бы знали. Но, судя по выражению лиц, происходящее было для них такой же неожиданностью, как и для меня.

– Поприветствуем наших участников! – произнес Чингиз в микрофон хорошо поставленным голосом. – Вот они – те, кто претендует на наследство господина Сурова. Но ведь нельзя так просто взять и унаследовать подобную империю, верно? Нужно показать, что ты достоин. Достоин памяти великого основателя нашего канала, и достоин всего того, что он оставил после себя. И именно этому будет посвящено наше шоу. Не переключайтесь – впереди самое интересное!

– Правила нашего шоу таковы, – продолжила Марина. – За всеми действиями наших участников наблюдает невидимое жюри. Оно решает, кто останется в нашем проекте, а с кем мы попрощаемся. После каждого раунда оно будет вы-

носить свое решение. Некоторые решения нас удивят, предупреждаю заранее. Тот, кто покидает шоу – делает это ни с чем. Жюри по своему усмотрению может оставить ему небольшую компенсацию. Но я бы на это не рассчитывала. Победитель же получает всё. В древние времена для этого нужно было выиграть несколько поединков. Константин Гаврилович, большой ревнитель старины, решил возродить этот обычай, но на современном уровне. Прошу садиться, дамы и господа. Мы начинаем.

Тут же у нас за спинами появился ряд одинаковых стульев с мягкой обивкой. Я сел на свой, оказавшись самым крайним справа, а рядом со мной грузно опустился давешний господин.

– Ох-хо, не люблю я это все, – проговорил он себе под нос. – Клоунаду всю эту. Но уж что поделаешь...

Зрители зааплодировали, повинувшись загоревшемуся перед ними табло. Когда хлопки так же по команде оборались, заговорил Чингиз:

– Первый раунд – самый простой. Можно сказать, это небольшая разминка перед тем, что ждет вас дальше. Вам всего лишь нужно выйти на середину сцены и искренне сказать, что вы думали о покойном. О том следе, который он оставил в вашей душе. Предупреждаю – мы говорим здесь правду. Невидимое жюри оценит это.

– И помните, что наше шоу про уважение и почитание к старшим, – дополнила его Марина. – Невидимое жюри бу-

дет тщательно следить за тем, чтобы ваша речь выражала правильные ценности, которые разделял покойный. Патриархальность, семейственность, нравственность.

Если честно, меня они только запутали. Я так и не понял, нужно ли говорить правду о почившем магнате, или, все-таки, руководствоваться древней традицией о том, что о покойных или хорошо, или ничего. Я решил не лезть на передний край, а для начала понаблюдать за остальными конкурсантами.

Тем более, что не все заняли выжидательную позицию. Несколько человек поспешили к стоявшему посреди сцены микрофону, и первой до него добралась девушка, в каждую округлость тела которой была вложена сумма, за которую можно купить неплохую машину. Особенно хирургу удались губы. Они занимали едва ли не половину лица и выглядели так, словно она в любой момент может схватить ими зазевавшегося человека – например, Чингиза – и свернуть ему шею.

– Поприветствуем нашу первую отважную конкурсантку. Это вдова Константина Гавриловича, Милена Сурова. Кому, как не ей, лучше всех знать, каким человеком был покойный? Дадим же ей открыть наш сегодняшний раунд! Аплодисменты, дамы и господа!

Под гром оваций дама выплыла на середину, поддерживая тонкими пальцами край платья, хоть и траурного, но умело подчеркивавшего ее формы. Она остановилась перед микрофоном и откашлялась.

– Ну, я это... – заговорила она, и мне стало даже удивительно, как это ей удастся внятно говорить с такими губами. – Я хочу сказать, что благодаря этому человеку я вообще всегда была в ресурсе... и типа... в гармонии с миром... ну, там, могла закрывать свои внутренние эмоциональные потребности... и мой персональный таролог всегда говорила... что наши это... кармические потоки были всегда... ну, как... переплетены, типа...

И вообще, я хочу сказать, что эти вот самые нравственные нормы для меня всегда были... ну, я всегда к ним тянулась, и вот эта вся патриархальность, когда там... ну, яйца красить, в проруби купаться... это все типа очень правильно, и создает хороший вайб... с помощью этого можно хорошо прочистить карму и настроиться на позитив, а это самое главное! Подписывайтесь на мой канал, я там рассказываю, как настроить свою йони и притянуть правильный лингам.

Произнеся этот монолог, она подарила зрительному залу профессиональную улыбку.

– Bravo! – воскликнул Чингиз. – Это было прекрасно, очень эмоционально и трогательно. Садитесь, Милена. Наше жюри наверняка оценит ваш порыв по достоинству. А теперь следующий участник...

– Ну, разумеется, она всегда была в ресурсе, – проговорил едва слышным шепотом мой сосед, толстяк с сальными губами. – Уж сколько ресурсов покойник на нее истратил, и не сосчитать. Вон, в какого андроида превратил.

– Простите, а я с кем имею честь? – спросил я в ответ.

– Я брат покойного, Суров, Борис Гаврилович. Вообще-то, по древним законам майората все это должно бы было ко мне перейти. Но нынче древние законы не чтут, нынче вон какие шоу устраивают.

– Извините, а вот это вот... устроить шоу из завещания... это вообще вашему брату было свойственно? Не может тут быть какой-нибудь ошибки?

– Нет-нет, – он покачал головой. – Это как раз очень в духе Кости. Он обожал все это... блески, софиты, конфетансье... и чтобы побольше о нем самом говорили, и только хорошее. Я от него ожидал чего-то подобного.

Пока мы с ним потихоньку переговаривались, на сцене появился молодой парень, одетый в нечто вроде гоночного комбинезона. Было даже странно, что подмышкой у него нет шлема. Губа его была проколота, волосы стояли торчком и выкрашены были в неестественно светлый цвет. Он напоминал какого-то анимешного персонажа. Говорил же он с каким-то причмокиванием, словно все время жевал невидимую жевачку.

– Ну, я типа хочу сказать, – начал он. – Что покойный был великим человеком. Он любил скорость. И я люблю скорость. Он создал нашу гоночную лигу. А я добился в ней успеха. И это круто, что он оставил такое обширное наследие. Ну, вообще ушла эпоха. И это... нравственность надо оберегать... чтобы вот это...

Он начал сбивчиво говорить что-то о том, как круто соблюдать заветы предков, и как это важно для современного гонщика. Выглядело это так, словно студент, прогулявший весь семестр, пытается на экзамене вспомнить что-то из той единственной лекции, на которую он однажды от скуки забрел. Получалось не очень.

– Благодарю вас, Митрофан Константинович! – поддержал Чингиз. – А сейчас наш следующий участник. Поскольку дочь покойного, Людмила, слишком мала, чтобы участвовать в нашем шоу, ее интересы будет представлять поверенный Викентий Кириллович Гончаров! Прошу на сцену!

Викентий – чей-то представитель по доверенности? Это было неожиданно. Но еще интереснее было, что же он скажет.

Однако он как раз меня совершенно не удивил. Нетрудно было заметить, что все сказанное Викентием было повторением того, что говорили люди до него, а там успели выступить несколько человек разной степени косноязычности.

Он, по всей видимости, очень старался. Трижды произнес фразу «ушла эпоха». Не забыл упомянуть о глубочайшей нравственности. Рассказал о безутешном горе всех близких покойного, хотя все близкие сидели здесь, и большинство из них безутешными не выглядели.

Кажется, в какой-то момент этот поток сознания надоел даже ведущим, так что Чингиз аккуратно прервал его, провозгласив, что они благодарят Викентия за его выступление.

Дальше пошло в том же духе. Где-то после десятого выступления происходящее мне смертельно наскучило. Заискивающие интонации наследников вызывали дрожь в руках. Одна девушка разрыдалась и делала вид, что не может говорить, хотя от Насти я знал, что это такая же, как она, незаконная дочь, которая отца почти что и не видела. Судя по всему, ей совершенно нечего было о нем сказать, и она вот таким изящным образом вышла из положения.

Но больше всего меня выбесил молодой человек чуть постарше Яро, одетый в клетчатый сюртук – точь-в-точь такой, какой обычно можно было увидеть на фотографиях покойного. Дополняла образ жиденькая аккуратно подстриженная бородка и старомодное пенсне. Он был похож на Чехова, хоть в этом мире и не знали Чехова. Но говорил не по-чеховски грозно.

– «Беспоощадный к себе и другим»... «настоящий паладин»... «великий человек, опередивший свое время»... «одно его имя приводило в трепет всяких мерзавцев и развратников»...

Эпитеты, один другого громче, сыпались из молодого человека, словно горох, однако кольнуло меня не это. Я заметил, что он то и дело украдкой посматривает на умные часы, на экране которых бежит текст. Можно что угодно говорить про остальных наследников, но они говорили экспромтом. Этот же явно подготовился. Похоже, он знал о формате мероприятия больше остальных.

Что ж, друг, раз уж тебя есть нечестно полученное преимущество, не хочешь ли ты, чтобы кто-нибудь его нивелировал? И я достал из кармана ручку.

— И вот теперь, в то самое время, когда наша империя проходит такой непростой этап... когда враги только и ждут, как бы разложить нас, развратить, порушить все наши устои, — надрылся молодой человек, то и дело возводя руки к небу, словно в немом укове Творцу. — В это самое время нас оставляет такой человек... который стоял нерушимым столпом на пути нравственности и целомудрия... А что если это не просто так? Что если это новый удар коварных врагов? Мы не знаем, но, я надеюсь, узнаем когда-нибудь. Пока же я хочу повторить...

Я навел на него ручку, почувствовав, как он отчаянно сопротивляется. Этот парень был крепким орешком, настоящим кремнем. Наверное, последний раз он говорил правду, когда кричал маме, что хочет на горшок. Но меч побеждает и таких.

— ...что я ненавижу эту жирную мразь, терпеть не мог все его закидоны, и считаю ниже своего достоинства участвовать во всей этой...

Он сделал над собой огромное усилие, нечеловеческое. Он проглотил слово, которое должно было быть следующим, а это точно было слово, неуместное на телевидении. Да еще и на канале большого борца за нравственность.

Зал притих. Оба ведущих растерянно вертели головами

по сторонам. Чингиз, кажется, даже ущипнул себя за руку.

Глаза чеховского юноши вылезли на лоб. Пенсне упало с его носа и повисло на цепочке.

– А еще я... я хотел бы... подчеркнуть... что он был очень... богобоязненным... – залепетал он, покраснев до помидорного оттенка. – А моей матери он изменил, набив полную баню шлюх!

Он несколько секунд растерянно смотрел в зал, явно желая провалиться сквозь сцену. Рука его потянулась ко рту, чтобы прикрыть его принудительно. Затем парень резко бросился прочь от стойки с микрофоном, словно ее обвила ядовитая змея.

– Хм... – произнес Чингиз. – Ну, всякое мнение имеет право на существование... Наш канал, конечно, против слишком экспрессивных выражений, но порой без них никак. Что ж, следующим слово предоставляется еще одному представителю по доверенности, Ярославу Добровольскому, поприветствуем!

К моменту, когда подошла моя очередь, я уже был слегка выбешен происходящим. Мне было заранее очень неловко перед Настей за то, что сейчас произойдет, но ничего иного я сделать не мог. В конце концов, она знала, что обращается к юристу со своеобразной репутацией.

– Добрый день! – проговорил я. – Вообще-то, я здесь представляю мою доверительницу, а сам я лично не имел счастья быть знакомым с покойным. Но когда о человеке

столько хороших людей говорят такие трогательные вещи, то поневоле проникнешься.

Что я сам могу о нем сказать, исходя из того немного, что знаю лично? Я полагаю, что человека следует судить не по словам, а по поступкам. А поступки покойного, которые я вижу, таковы.

Он очень сильно испортил жизнь своей дочери, которую я имею честь представлять. И вместо того, чтобы хотя бы после смерти наделить ее причитающейся долей в наследстве, он устроил все это довольно странное шоу и заставил неподготовленных людей в нем участвовать. Хорошие ли это поступки? Ну, в общем, так себе. На троечку.

Насколько я могу судить, покойный был неважным отцом, хреновым мужем (хорошие мужья по пять раз не женятся), и вообще довольно скверным человеком. Но, наверное, хорошим бизнесменом, раз он создал такую успешную медиа-империю, ведь говорят, от отца-то ему досталась только пара газет.

Возможно, он был хорошим еще с каких-то еще сторон. Например, писал прекрасные стихи или много помогал бедным. Но я о нем этого не знаю, да и никто из моих предшественников, знавших его куда лучше меня, ничего подобного не припомнили. Вот, кажется, и все, что я могу о нем сказать, если оставаться честным.

В студии повисла гробовая тишина – было слышно, как трещат нагретые софиты. Загорелась табличка «Аплодис-

менты», но почти никто из зрителей на нее не отреагировал.

— Ну, что ж, — проговорил осторожно Чингиз. — Наше жюри, наверное, по достоинству оценит такую позицию... тем более, что голосование начнется прямо сейчас! Поприветствуем жюри!

Раздался гром аплодисментов, и где-то за сценой заиграла напряженная музыка. Все участники переглянулись. Было заметно, что некоторые побледнели. Но, кажется, всех успокаивало то, что два главных кандидата на вылет очевидны.

Глава четвертая. После бала (1/3)

– Система оценки у нас следующая, – пояснила Марина, поправив на носу узкие очки. – Члены невидимого жюри присвоят каждому из участников баллы – от одного до десяти. Тот, кто получит наименьшее число баллов – выбывает. Следующий раунд также будет оценен, баллы будут суммироваться. То есть, тот, кто получит больше баллов за этот раунд, получит некоторое преимущество в следующих.

– Так, мне сообщают, что у нас готовы оценки, – прервал ее Чингиз. – Приготовьтесь, сейчас мы их увидим!

Музыка стихла, а затем над головой у вдовы появились из воздуха пять сияющих зеленым маленьких кристаллов.

– Ух ты! – с детским восторгом воскликнула она, уставившись вверх.

Вскоре такие уже кристаллы начали появляться над головами у всех остальных. У кого – семь, у кого – четыре. Викентий ошарашенно глядел на свои два. Я задрал голову и с удивлением обнаружил, что над моей головой их целых восемь, и столько же – у парня в пенсне, который только что нашел в себе силы вернуться из-за кулис.

– Что ж, – проговорила Марина, – у нас есть первые результаты. Поздравляю тех, кого жюри отметило высокими оценками. Результаты... неожиданные для меня самой, но

спорить с нашим жюри мы не будем. Ну, и у нас есть первый участник, который нас покидает. Викентий Кириллович, мы с вами прощаемся.

– Что?! – выкрикнул он. – Да вы слышали, что он сказал?! Почему я?!

– Это решение жюри, – ответила Марина спокойно, но жестко. – Мы с жюри не спорим. Обязательность его решений установлена последней волей покойного.

– Да это какое-то жульничество! – выкрикнул Викентий. – Это он! Это Добровольский! Он в сговоре с жюри!

– Это невозможно, – сказал спокойным тоном Чингиз. – Жюри никто не может ни подкупить, ни запугать. Его решения абсолютно беспристрастны. Даже если мы все не в полной мере понимаем смысл этих решений, будьте уверены, что жюри пунктуально выполняет распоряжения покойного. Извините, Викентий, но нам пора прощаться.

– Но... но... – растерянно проговорил Викентий. Кулаки его сжались, он готов был броситься на меня, однако очевидно ему вспомнилась, чем закончилась предыдущая наша стычка.

– Я вас выведу на чистую воду! – были его последние слова, выкрикнутые, когда он убежал за кулисы.

– Ну, а наш сегодняшний выпуск закончен, – проговорил Чингиз. – Мы встретимся с вами через три дня, чтобы увидеть следующую часть нашего шоу. И поверьте: на сей раз наши наследники так просто не отделаются. Незримое жю-

ри приготовило для них настоящую проверку на прочность. Лично я не могу дождаться, чтобы увидеть, как именно наши герои будут ее проходить.

Вслед за этим софиты стали один за другим гаснуть, а массовка, закончив последние аплодисменты, начала вставать со своих мест и потянулась на выход.

– Эх, потом опять эта тягомотина, – вздохнул Борис Гаврилович, направляясь за кулисы. – А я ведь только хотел свой кусочек счастья...

Я двинулся за ним. Мысли роились в моей голове, и я не знал, какую из них следует думать в первую очередь. Нужно было посоветоваться с ребятами. Ставки оказались гораздо выше, чем я думал. Если тут победитель получает всё, а все прочие – ничего...

Но не успел я найти выход из студии, как ко мне подскочил Викентий – бледный и с горящими глазами.

– Это тебе даром не пройдет! – выговорил он, глядя на меня бешеным взглядом. Подошедший секьюрити смотрел на нас с некоторой опаской. Он явно раздумывал о том, следует ли ему нас разнимать. С одной стороны, его инструкции явно этого требовали. С другой, лезть в драку двух молодых аристократов – это дело очень опасное для здоровья. Разрешить эту дилемму он не смог и просто застыл в нерешительности в паре шагов от нас.

– Остынь, Викентий, – сказав я, примирительно выставив руки перед собой. – Что бы ты там обо мне ни думал, но

происходящее – такой же сюрприз для меня, как и для тебя. Ты-то вообще откуда здесь взялся?

– Хочешь сказать, что ты не знал? – спросил он. – Но тогда с чего вдруг ты начал правду-матку резать?

– А что, на меня это не похоже?

– Вообще, похоже, – он вздохнул. – Ты всегда был слегка поехавший, а после того случая в Училище стал не слегка...

– Ну, вот, – я ухмыльнулся. – Ты сам ответил на свой вопрос. А теперь ответь на мой: что ты здесь забыл?

– Так ведь... – он поморщился, словно я наступил ему на больную мозоль, – когда я из Ночной лиги вылетел, на меня тесть стал давить. Говорит: ты теперь член семьи, должен наше имя защищать. Не можешь в боях – придумай еще что-то. Ну, я и подумал: вон, Добровольский юридическую фирму создал. Чем я хуже него? Мы же вместе учились. Ну, открыл офис, набрал сотрудников несколько человек. Поначалу ничего шло, а потом явилась ко мне третья жена Сурова, попросила от имени их дочери в наследственном деле поучаствовать. Я-то думал: приду, послушаю завещание, и если дочку обделили, то мои ребята напишут иск. Только и всего делов. А тут такое... Что я ей теперь скажу?

– А говорить ничего не надо, – ответил я. – Она все по телеку сама видела.

– Но тебе я не верю, – произнес он, сжав кулаки. – Ни одному слову не верю. Я еще докопаюсь до правды. Если здесь какой-то мухлеж, можно будет завещание мигом оспорить.

– Желаю удачи, – ответил я и направился к табличке с надписью «Выход».

– Ярослав, я еще раз хотела бы извиниться... вы не должны были... точнее, я не должна была...

– Анастасия, ну, прекратите уже, – сказал я с улыбкой. – Вы за сегодняшний день извиняетесь уже в четвертый раз. Ничего ужасного не случилось. Ну, выступил я на этом шоу... Да это мне следует просить у вас прощения за то, что я чуть все не испортил. Это было глупо, я как мальчишка...

– Нет-нет! – она выставила перед собой маленькие ладони. – Это было круто! Вот и жюри оценило! Я столько раз представляла, как сама говорю ему все это... но я бы никогда не осмелилась, а вы...

– Положим, я тоже сказал это не ему в лицо, – сказал я. – Впрочем, мы отвлеклись, надо продолжать, а то до ночи тут сидеть будем.

Совещание и так уже затянулось до вечера. За столом в моем старом кабинете в доме Пульхерии Виссарионовны сидело все руководство фирмы: Я, Кирилл и Юля, а Настя устроилась в уголке, на краешке стула, и держалась так скромно, словно не за ее деньги мы тут все работали.

На подоконнике сидел, покачивая ногой, Клебанов. На нем был темный деловой костюм, под которым виднелся ремень кобуры. Он даже излишне вошел в роль безопасника,

но надо сказать, что справлялся с ней неплохо. За этот год на меня было совершено два покушения, еще одно – на Юлю, и раз пять у нас пытались похитить важную информацию, в том числе, однажды внедрили для этого человека под видом стажера. Во всех этих случаях Клебанов сыграл свою роль неплохо.

Я помолчал секунду и налил себе из графина настойки гриба, которую принесла нам проникшаяся в последнее время гостеприимством Пульхерия Виссарионовна. Впрочем, возможно, она просто надеялась найти новых заказчиков для своего очередного гриба, которого назвала Санчез, так как приехал он откуда-то аж из Латинской Америки. Напиток, который он производил, имел настолько выраженный бодрящий эффект, что легко заменял кофе. Клебанов уже купил у нее несколько литров и говорил, что на дежурстве вещь незаменимая.

– Кирилл, главный вопрос сейчас к тебе, – начал я. – Мы можем каким-то образом оспорить это завещание? Или как-то упростить процедуру, чтобы Анастасия могла получить свою долю без всей этой борьбы нанайских мальчиков?

– Трудно сказать, – Кирилл поправил на носу очки. – Мои ребята сейчас разбирают завещание по буквам. Это непростое дело. Там двести тридцать восемь страниц мелким шрифтом. Там предусмотрено всё.

– То есть, совсем всё? – уточнил я.

Кирилл вздохнул.

– Когда я говорю, что в документе предусмотрено всё, – проговорил он, – это значит, что в нем детально расписано, как именно должен поступать душеприказчик в случае, если в процессе производства шоу разразится зомбиапокалипсис, и часть претендентов окажется заражена. Кроме того, в нем указано, как следует поступать в том случае, если кто-то из наследников окажется потомком спящего тямского бога смерти и тлена Йонгу или пришельцем с Изнанки. Не говоря уже о такой ерунде, как война, смена правящей династии или объявление чрезвычайного положения. Если вкратце: во всех этих случаях шоу должно продолжаться. С небольшими коррективами, вызванными форс-мажором.

– Что ж, вот это я называю проработанный документ, – я кивнул. – А насчет незримого жюри? В завещании указано, кто в него входит?

Кирилл покачал головой.

– Указано, что душеприказчики будут получать от него указания. Магическим путем. По защищенному каналу, который был до них доведен лично наследодателем при его жизни.

– Seriously, – сказал я. – Суров очень позаботился о том, чтобы не раскрыть личности этого жюри.

– Пф-ф, – ответила на это Юля. – Тоже мне, секрет Полишинеля. Очевидно же, кто в него входит.

– И кто же?

– Праздножор пятого уровня, которым Суров владел при

жизни. Ну, или который владел Суровым. Когда речь идет о демонах такого уровня, всегда очень трудно сказать, кто кем владеет на самом деле, и кто чьи приказы выполняет.

– То есть, он вот таким способом выбирает себе нового хозяина?

– Ну, да, – Юлия пожала плечами. – Это многое объясняет. Например, то, почему он высоко оценил твою речь. Ему плевать на его умершего хозяина. Быть может, он и сам этого Сурова невысоко ценил. А смелость ему, наверное, по душе. И самое главное: праздножор любит шоу. Ты ведь... впрочем, ты, конечно, и сам лучше меня знаешь, как работают праздножоры.

– Нет, расскажи, мне интересно, – сказал я. – Я никогда особенно не лез в дела отца, да и он не любил меня в них посвящать.

– Ну, не до такой же степени... впрочем, ладно. Одним словом, они всегда стремятся создать красивую, захватывающую картинку. Стремятся, чтобы люди уделяли им больше своего времени. Они питаются людским вниманием. Идеальный мир для праздножора – это такой, где все смотрят, раскрыв рот, на ту картинку, которую он создал. С его точки зрения ты поступил очень круто: сделал неожиданный ход и привлек всеобщее внимание. А Викентий наоборот: постарался максимально не выделяться и оказался самым скучным.

– То есть, твой совет на будущее – вести себя максимально

непредсказуемо?

– Можно подумать, тебе нужен для этого мой совет, – Юля фыркнула. – Ты и без моих подсказок все время такой.

– Ну, хорошо. Предположим, это демон. Но как именно он связывается с ведущими? И какие дает им инструкции? Нам было бы неплохо это знать.

– Держу пари, – скептически проговорила Юля, – что где-то там на сто двадцать восьмой странице завещания написано, что за любую попытку узнать это участник немедленно изгоняется из шоу с позором.

– Вот именно, – я кивнул. – Поэтому мы должны сделать это максимально незаметно. Вы с Шильдо сможете?

– Ничего не могу обещать, – она покачала головой.

– Вот, кто тебе поможет, – сказал я, указав на Клебанова. – Организуйте слежку, найдите канал, по которому они получают задания. Эти ребята слишком много скрывают от наследников, чтобы нам играть строго по их правилам.

– Вот это по-нашему! – Клебанов хлопнул в ладоши, глаза его загорелись. – Мне тут как раз бывшие сослуживцы один дрон разведывательный показывали. Может, и попользоваться дадут. Лютая вещь! Маскируется под пчелу, прикинь? Никто никогда не распознает, разве что магически! Но от магического сканирования это пусть меня госпожа Волконская прикроет.

– Отлично, – я кивнул. – Действуй. Ну, а твои ребята, Кирилл, пусть продолжают анализировать завещание. Что най-

дут – присылай мне. Я его тоже почитаю на сон грядущий. Там ведь ничего нет о том, что именно я должен буду делать на следующем этапе? Ходить на голове? Читать стихи о добродетелях покойного? Или, быть может, мы с прочими наследниками вымажем лица гуталином, наденем смокинги и будем танцевать с его гробом на плечах?

– Нет, – Кирилл покачал головой. – Это мы проверяли в первую очередь, конечно же. Ничего нет, и странно, если бы было. Все шоу явно рассчитано на то, что участники не в курсе. А может быть, и ведущие не в курсе до определенного момента.

– Вот, кстати, спасибо, что напомнил, – сказал я. – Насчет тех, кто в курсе и не в курсе. Там был один такой парень – может быть, помните. В пенсне. Его еще, кажется, ведущие не представили. Известно, кто таков? У меня сложилось впечатление, что он подготовился заранее.

– Вот список всех участников, – Клебанов протянул мне несколько листков с именами и фотографиями. – Мои ребята тоже времени даром не теряли, как видишь.

– Неплохо... а этот парень, значит... Муромцев Станислав... фамилия дворянская, но кем он приходится покойному?

– В том-то и дело, что этого мы сходу не выяснили.

– Но в завещании он упомянут напрямую, – вставил реплику Кирилл. – То есть, покойный сам посчитал, что он должен участвовать.

– Интересно, – резюмировал я. – За ним тоже было бы неплохо проследить, но аккуратно. Если он жульничает, было бы здорово его на этом поймать. Да и просто хотя бы узнать, кто он такой и откуда взялся.

Клебанов коротко кивнул и щелкнул пальцами. Я взглянул на часы – время было позднее. За окном давно стемнело, и я чувствовал, что усталость этого бесконечного дня прорывается наружу, так что я едва сдерживал себя, чтобы не зевнуть.

– Так, ну, кажется, задачи для всех ясны, – закончил я и закрыл стоявший передо мной ноутбук. – Давайте тогда все по домам, на сегодня – всё.

Но в этот миг Настя подняла руку – робко, словно школьница на уроке.

– Что такое? – спросил я ее.

– Простите, я хотела сказать, – она покраснела. – Я очень благодарна вам, но мне бы не хотелось, чтобы вы в этом участвовали. Я и так уже поставила вас в неловкое положение, когда вы из-за меня попали в это шоу. А теперь... мы не знаем, какие там будут новые этапы, но у меня нехорошее предчувствие. Возможно, это будет не только тяжело, но и опасно.

– Анастасия, если вы что-то знаете, вам лучше нам сказать, – мягко проговорил я.

– Нет-нет, – она замотала головой. – Я ничего не знаю о том, что именно он придумал. Но я... я знала его... хоть и не

очень хорошо, не так, как нормальная дочь знает нормально-го отца... но я уверена, что там дальше испытания более серьезные. Возможно, такие, в которых вы не хотели бы участвовать, Ярослав. И мне ужасно неудобно, что всё это ради меня. Конечно, я обещала вам деньги, но я обещала их за обычную работу юриста, а не за это, и теперь...

– Это не только ради вас, Анастасия, – сказал я. В этот момент мне неудержимо захотелось протянуть к ней ладонь и погладить по слегка покрасневшей щеке, но я, конечно, сдержался – это был бы скандал. – Это еще и ради справедливости. Я уже год в этом бизнесе, и за это время мне уже приходилось участвовать в очень опасных кейсах. Не буду хвастаться – вы сами в курсе. И я это делал не только ради денег, хотя никогда от них не отказываюсь. Просто у нас есть определенная миссия, как бы глупо и наигранно это ни звучало.

– Да? И какая же?

– Когда-нибудь я вам расскажу.

– Что ж, ладно, – она кивнула. – Будем считать, что это для вашего портфолио. Чтобы все и дальше считали, что вы умеете делать невозможное.

– Если вам спокойнее думать так – я только за, – ответил я с улыбкой. – В любом случае, я знаю, за что именно рискую. Мы все это знаем. Даже если не любим говорить об этом вслух.

Я заметил, как при этих словах загорелись ее глаза. А Юля, напротив, взглянула на меня со своим фирменным

скептическим прищуром.

Глава пятая. Рюмочку за папу

– Итак, сегодня снова все участники в сборе, и мы начинаем второй раунд нашего шоу! – провозгласил Чингиз. – Сегодня наших участников ждет интересное приключение, куда более захватывающее, чем в прошлый раз.

Я сделал над собой усилие, чтобы не дать ему никакого совета относительно того, куда он может свое приключение запихнуть. Я твердо настроился на то, что теперь буду подходить к происходящему ответственно. Я добуду для Насти это наследство. В конце концов, она заслужила.

Может быть, конечно, кое-кто из участников заслужил не меньше. Но я юрист, я работаю на своего клиента.

Кстати, любопытный момент, который я сразу про себя отметил: никто, кроме Насти и ее маленькой сводной сестры, чья мама обратилась на свою беду к Викентию, не пригласил представителей. Все явились лично. Что ж, если я хотел завести в этом мире моду решать подобные проблемы с помощью юристов, то мне еще предстоял долгий путь к моей цели.

Но не это смущало меня больше всего, а то, что сегодня посреди сцены был установлен черный овал, похожий на оправу для зеркала. Я уже видел такие в этом мире не раз. Основа для портала – такие используют для контролируе-

мого перемещения на ближние планы Изнанки. Такие, где обычно нет демонов, находиться там относительно безопасно, и посещение их не запрещено законодательством Империи. Там даже связь ловит, и можно, к примеру, поговорить оттуда по телефону.

Звучит не очень страшно, конечно, но зачем нас туда отправлять? А в том, что дело идет именно к этому, сомнений было мало.

– Сегодняшним нашим раундом мы продолжаем воздавать дань традициям, связанным с памятью усопших, – проговорила Марина. – Сказать об усопшем доброе слово – это уже сделано. Ну, в меру способностей и желания наших героев. Теперь же не мешало бы выпить за упокой его души.

По рядам сидящих на сцене претендентов пронесся негромкий ропот.

– Вот это по-нашему! – негромко прошептал сидящий рядом со мной Борис Гаврилович и с нетерпением потер ладони. – Конкурс «Кто кого перепьет»? Можно сказать, я ради этого и пришел. Спасибо, братец, вот теперь точно спасибо.

– Мы, конечно, не пропагандируем неумеренное употребление алкоголя, – вставил реплику Чингиз. – Так что сразу скажу: предстоит нашим героям выпить всего лишь по несколько глотков – больше у них не выйдет физически.

– А, простите, что пить-то будем? – осведомился Борис Гаврилович, ясно начавший подозревать какой-то подвох.

– Потерпите немного, – ответила Марина со своей обыч-

ной жесткой улыбкой. – Сначала я объясню правила. Сейчас вам предстоит пройти сквозь этот портал и очутиться в одном из любимейших мест покойного. В его астральном поместье, где он любил отдыхать от своих трудов. Покойный, как мы знаем, любил выпить – это не очень большой грех, если знать меру и не потакать слабостям.

– А он, конечно, сам-то был кремень! – прибавил Чингиз. – Но главное, что в его астральном поместье спиртное было припрятано много где – на всякий случай!

Он выразительно подмигнул в камеру.

– И вам теперь предстоит найти все эти заначки, – продолжила Марина, бросив раздраженный взгляд в его сторону. – Дом там обширный, некоторые из вас бывали там вместе с покойным, но всех его секретов, конечно, никто из вас не знает. Каждый, кто найдет бутылку или иной сосуд со спиртным, может тут же сделать несколько глотков из него. И очутится здесь – в нашей студии, так как на каждой бутылке настроен выходной поплавок, возвращающий вас в реальность. Ваше поведение внутри поместья, ваше самообладание во время поисков будут по достоинству оценены незримым жюри!

– А теперь – прошу! – выкрикнул Чингиз, хлопнул в ладоши, и тут же в черном проеме замерцала ртутным блеском пленка, похожая на зеркало или на поверхность воды. Студия отражалась в ней, но пленка едва заметно дрожала, словно ее колыхал ветер.

Первым решительный шаг к ней сделал Муромцев. Он прошел внутрь, и я увидел, что над нашими головами загорелось несколько мониторов. На одном из них можно было видеть интерьер гостиной в стиле охотничьего домика – с чучелами и камином. Другие изображали иные комнаты: библиотеку, несколько спален, кабинет. В гостиной, возле камина сейчас как раз деловито осматривался Станислав.

– Проходим, дамы и господа, проходим, – Чингиз сделал приглашающий жест, и вся компания потянулась к порталу. Я вошел в него одним из последних и появился в гостиной, которую некоторые из участников уже начали деловито обыскивать. В доме стоял какой-то затхлый и сыроватый запах, который сразу мне не понравился.

– Но помните, дамы и господа, – раздался у нас прямо над головами голос Марины, доносившийся, казалось, прямо из старомодной бронзовой люстры в виде канделябра, – в доме вас ожидает множество сюрпризов. И первый из этих сюрпризов я оглашу вам прямо сейчас.

До этого все в комнате переговаривались между собой, но теперь гул голосов затих, а многие даже замерли на месте.

– Дело в том, – произнесла Марина, и хотя я не видел ее сейчас, но отчего-то почувствовал, что она улыбается, – что одна из бутылок, которые вам предстоит найти в поместье, отравлена.

По толпе собравшихся пронесся вскрик. Некоторые замесились, другие, занятые поисками и пропустившие реплику

мимо ушей, стали расспрашивать, что же там такое сказали. В гостиной воцарился сущий хаос.

Громче всех орал Борис Гаврилович. Неожиданно прорезавшимся басом он рыкнул, что никому так с собой обращаться не позволит.

– Вы все читали завещание, – спокойно заговорила Марина. – И знаете, что в ходе его выполнения возможно возникновение опасных ситуаций. Там указано, что никакая третья сторона, включая душеприказчиков завещания не несет ответственности за причинение вреда вашей жизни и здоровью, возникшее в результате ваших собственных неосмотрительных действий. Как вы понимаете, выпивание по собственной воле отравленного напитка в полной мере соответствует этому критерию.

Я действительно его читал. Вероятно, в отличие от большинства собравшихся, которым осилить юридический текст на несколько сотен страниц было бы тяжеловато. Так что этот пункт я видел, да и ребята Кирилла отметили, что он не сулит ничего хорошего. Не был он похож на дежурную юридическую оговорку на всякий случай, а был явно нацелен на то, чтобы избавить организаторов шоу от ожидаемых проблем.

А надо сказать, что жестокие шоу с реальными смертями вовсе не были на здешнем телевидении редкостью, в том числе, и на каналах Сурова. Правда, обычно в них принимали участие или профессионалы, или осужденные преступни-

ки. Загнать в такое шоу толпу неподготовленных людей, да еще и благородных – это было новаторской идеей. Впрочем, покойный славился новаторскими идеями.

Одним, я едва ли не меньше всех участников удивился такому повороту событий. А вот из них некоторые были шокированы. Вдова так вообще забилась в угол и смотрела оттуда полными ужаса глазами, на которых уже начал расплываться макияж.

Одна девушка нашла в шкафу ополовиненную бутылку виски, поставила на стол и тут же отпрянула, вытерев пальцы подвернувшейся салфеткой. Все присутствующие уставились на бутылку так, словно она вот-вот взорвется.

– Смелее, господа! – бодрый голос Чингиза прозвучал издевательски. – Ну, что вы в самом деле? Бутылок в доме не меньше двух десятков. Шансы у каждого отдельного человека, что именно ему достанется несчастливая бутылка, очень небольшие! Вот, к примеру, если взять пакетик мармеладных мишек, то пять процентов – это будет всего лишь...

– Перестаньте! – истерично выкрикнула вдова из своего угла. – Засуньте себе ваших мишек знаете куда?! Я жить хочу... мне мой таролог предсказала...

Она начала рыдать, и мы все так и не узнали, что именно предсказала ей таролог.

– Так, может еще это... – проговорил Борис Гаврилович. – Откачают. Все-таки, мы тут – люди тоже одаренные, да и у вас в студии такие есть.

– Не беспокойтесь, – ответила Марина. – Яд быстродействующий. Откачать никто не успеет.

– Но, подождите, – сказала девушка, что принесла бутылку. – Если кто-то один попробует... то потом все могут... из одной бутылки... так ведь?

Все снова переглянулись. Похоже, никто не желал быть первым попробовавшим.

– Тьфу, да подумаешь! – проговорил вдруг Муромцев. – Смотреть на вас всех тут противно.

С этими словами он подошел к столу, отвинтил крышку и залпом выпил несколько глотков из бутылки.

Но не успел он сделать последний глоток, как по бутылке побежали голубоватые световые волны, а затем она ярко вспыхнула, так что на секунду я ослеп, и остальные, кажется, тоже.

Когда я снова смог видеть, Муромцева в гостиной уже не было, зато его было видно на экране телевизора, висевшего рядом с камином. Он стоял на сцене в студии и довольно улыбался. Зрители дисциплинированно аплодировали ему.

– Bravo! Bravo! – восклицал Чингиз. – У нас есть первый участник, который решился. Поздравляю, Станислав, для вас испытание закончено. Как вы себя чувствуете? Хороший ли был виски?

– Я не разбираюсь, – ответил он с видимым раздражением. – Я вообще за трезвый образ жизни. Тем более, что и выпил я совсем немного.

– Но как вы решились? – спросила Марина. – Это было очень смело.

– Ничего особенного, – сказал он с улыбкой. – Если хочешь быть мужчиной, приходится совершать рискованные поступки. В наше время этого очень не хватает – настоящих мужских качеств. И тот кризис, к которому пришло наше общество, во многом происходит из-за этого. Вот у них там, на западе, вообще...

Он говорил что-то еще, но его слова заглушил гомон, который поднялся в гостиной, когда парень, так и не снявший своего мотоциклетного одеяния, явился с новой бутылкой – на сей раз это была пузатая бутылка коньяка, опустошенная примерно на две трети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.